

Сяо Цянь ушёл, и Ян Цзинь полузакрыв глаза, его лицо слегка расслабилось.

Госпожа Жун, проводив гостя, вернулась и, увидев шкатулку, которую принёс Сяо Цянь, холодно посмотрела на неё и поманила служанку:

— Выбрось это лекарство.

— Подождите, — Ян Цзинь открыл глаза и медленно поднял руку. — Подайте сюда, я посмотрю.

Служанка, держа шкатулку, растерялась.

Госпожа Жун с недовольным видом сказала:

— Господин, что вы имеете в виду? У нас в резиденции есть множество редких лекарств, зачем нам нужно это дворцовое снадобье?

— Я сказал, подайте, — нахмурился Ян Цзинь, усиливая тон.

Госпожа Жун оцепенела, в сердце её пробежал холод. Хотя она и привыкла к своему высокомерному положению в резиденции, она не смела перечить хозяину дома. В порыве гнева она потеряла самообладание и теперь чувствовала лёгкий страх, не осмеливаясь больше мешать служанке.

Ян Цзинь открыл шкатулку. Внутри, обёрнутый жёлтым шёлком, находился флакон с белым императорским лекарством, ничего особенного.

Достав лекарство, Ян Цзинь вынул жёлтый шёлк и провёл по нему пальцами, затем с силой разорвал его в углу. Шёлк разорвался с лёгким звуком, и изнутри выпал тонкий кусок ткани, на котором было написано одно слово киноварью. Цвет был настолько бледным, что его можно было не заметить, если не присмотреться.

— Чан?

Удивлённый голос раздался рядом. Ян Цзинь очнулся и увидел, что госпожа Жун уже подошла к кровати, её лицо выражало удивление и беспокойство:

— Господин, это... сообщение от императрицы?

Хотя в её голосе звучала ревность, госпожа Жун всегда была рассудительной в важных делах. Именно поэтому, несмотря на множество наложниц Ян Цзиня, её положение никогда не подвергалось сомнению.

Ян Цзинь покачал головой, жестом велел госпоже Жун зажечь свечу и сжечь шёлк, затем с лёгкой насмешкой в глазах произнёс:

— Если бы у Сяо Ци был такой ум, разве тот человек наверху дожил бы до сегодняшнего дня? Это мой человек в Зале Сунъян. Это слово «Чан» весьма интересно...

Сяо Цянь вышел из резиденции генерала-защитника и, сев в карету, мгновенно сменил выражение боли и сожаления на насмешливую усмешку.

Хотя политическая ситуация в Наньюэ казалась стабильной, великий наставник Чан и Ян Цзинь делили власть, не трогая друг друга. Но их силы были настолько переплетены в дворе,

что говорить о полном отсутствии конфликтов было невозможно. Противоречия возникали постоянно, но их было недостаточно, чтобы разрушить этот баланс.

А Сяо Цянь должен был стать тем, кто взбаламутит воду, и заодно помочь Фан Минцзюэ выловить рыбку.

Когда прошлой ночью он избавился от старого евнуха, который был шпионом Ян Цзиня, Сяо Цянь уже всё обдумал. Ведь он когда-то был генералом-защитником Великой Цзинь, вторым человеком после императора, и знал множество секретов, включая шпионов, внедрённых в Наньюэ, подкупленных информаторов и методы передачи сообщений.

Простая замена шёлка могла стать первым шагом к раскрытию этого плотно зашитого Наньюэ. Почему бы и нет?

Сяо Цянь сидел в карете, покачиваясь, опираясь на локоть и слегка массируя виски. Он чувствовал, что такие интриги совершенно не подходят его доброй и честной натуре. Даже подумав немного, он уже чувствовал головную боль.

Когда он вернулся в Зал Сунъян, ужин только что был подан. Фан Минцзюэ, сменивший одежду на простую лунно-белую, сидел на стуле с несколькими мягкими подушками ипил суп.

Сяо Цянь, увидев это, разозлился, и голова заболела ещё сильнее:

— Ты готов умереть ради еды? Я же говорил, что тебе нельзя вставать эти дни.

Он так старался, чтобы помочь ему выздороветь, а этот маленький император совсем не бережётся.

— Я уже в порядке, — спокойно сказал Фан Минцзюэ.

Оглядевшись, Сяо Цянь поманил маленького евнуха:

— Что случилось?

Евнух дрожал, не ожидая, что даже стояние на месте может привести к беде.

— Ваше величество, император... император не позволил нам приблизиться... — евнух не смел поднять голову, честно ответив.

Отсутствие авторитета императора было общеизвестным фактом как внутри, так и за пределами дворца, но новость о том, что императрица казнила главного евнуха прошлой ночью, уже распространилась. Перебежчики всегда следуют за ветром.

Фан Минцзюэ опустил глаза и поставил фарфоровую чашку на стол.

Сяо Цянь вдруг понял, и на его красивом лице появилась нежная улыбка, полная любви и досады. Он взмахнул рукой:

— Ладно, все выйдите. Я сам позабочусь об императоре.

— Слушаемся, ваше величество.

Слуги вышли один за другим, оставив комнату в свете ламп.

Сяо Цянь, как ни в чём не бывало, обнял Фан Минцзюэ за талию, поднял его и положил на кровать, затем, положив руку на подушку, приблизился и спросил:

— Для кого ты сегодня устроил этот спектакль?

— Для тех, кто хочет его видеть, — ответил Фан Минцзюэ, подняв глаза. — А ты, императрица, для кого играла?

— Для одного бессердечного твари!

Сяо Цянь сердито раздвинул одежду Фан Минцзюэ, и рана действительно начала кровоточить.

— Не двигайся.

Он с досадой шлёпнул Фан Минцзюэ по заднице и снова начал обрабатывать рану.

Вчерашней ночью, в темноте, он не смог рассмотреть всё должным образом, но сегодня, при ярком свете ламп, Сяо Цянь заметил, что Фан Минцзюэ действительно был изнеженным. Его кожа была нежной и белой, как кусочки мягкого тофу, и когда пальцы случайно касались её, ощущение было приятным. Кровавые шрамы добавляли особую красоту.

Он был совсем не похож на грубых солдат из армии, даже более изысканным, чем обычные женщины.

Сяо Цянь, думая об этом, смотрел на него с интересом, его взгляд скользил от плеч к спине, затем к талии и бёдрам, без стеснения изучая маленького императора. Прямолинейный генерал Сяо даже не осознавал, как это выглядит со стороны.

— Императрица, что ты делаешь?

Фан Минцзюэ почувствовал странное ощущение на спине и спросил.

Сяо Цянь, держа его за талию, прижал и обманул:

— Я же сказал, не двигайся. Здесь рана открылась, я её обработаю.

Чувствительная талия почувствовала тепло, и выражение лица Фан Минцзюэ изменилось. Он повернул голову, и тёплый свет свечей окутал его холодный профиль, добавляя оттенок двусмысленности.

— Через семь дней твой день рождения. Ты должен вернуться во Дворец Фэнъи, — вдруг сказал Фан Минцзюэ.

Сяо Цянь чуть не забыл, что сейчас он живёт в Холодном дворце, и улыбнулся:

— Не спеши, я пока могу остаться в Зале Сунъян.

Не спеши? Это ты не спешишь, а я спешу!

Фан Минцзюэ чувствовал, что за последние пару дней его характер стал более вспыльчивым, и он, похоже, развивается в сторону тирана.

— На день рождения императрицы нужно приглашать знатных дам, и нужно многое организовать. Зал Сунъян находится в передней части дворца, что не соответствует правилам.

Ты... не будь капризным, — терпеливо объяснил Фан Минцзюэ.

— Хорошо, — согласился Сяо Цянь.

Его согласие было слишком быстрым, и Фан Минцзюэ с удивлением посмотрел на него.

Сяо Цянь поднял бровь, с лукавой улыбкой сказав:

— Днём я буду заниматься делами во Дворце Фэнъи, а ночью вернусь, чтобы служить императору. Как глава внутренних покоев, я должен поступать именно так.

Закрыв глаза, Фан Минцзюэ решил, что лучше не видеть этого. Этот человек действительно достиг нового уровня бесстыдства, и с ним уже ничего не поделаешь.

Сяо Цянь, хотя и не знал, что такое стыд, был человеком слова. Проведя ночь в Зале Сунъян, на следующий день он перевязал рану Фан Минцзюэ, несмотря на возражения, заставил его переодеться и, взяв с собой несколько евнухов и служанок, с помпой отправился во Дворец Фэнъи.

Дворец Фэнъи некоторое время пустовал, но комнаты всё ещё были чистыми и ухоженными, их ежедневно убрали.

Сяо Цянь переоделся в узкий костюм, сел в кресло, как главарь бандитов, и, просматривая список знатных дам, взглянул на правила прошлогоднего дня рождения, уже составив план.

Он никогда не участвовал в подобных мероприятиях, но видел, как это происходит. День рождения императрицы заключался в том, чтобы пригласить жен знатных людей на банкет, а затем послушать оперу. Он терпеть не мог такие домашние дела и женские разговоры. Но раз Фан Минцзюэ заговорил об этом, у него, вероятно, были свои планы.

Он был готов поддержать его и посмотреть, что он задумал, но за то, чтобы стать его авангардом, нужно было что-то получить взамен.

Сяо Цянь, поглаживая подбородок, улыбнулся, как хорёк, увидевший цыплёнка.

Несколько дней прошли спокойно, и Сяо Цянь, благодаря своему мастерству бесстыдства, успешно занял половину кровати в Зале Сунъян, подавив слабые протесты Фан Минцзюэ. Тот, подавленный, спокойно лечился и восстанавливался, и уже мог ходить.

Десятый день десятого месяца — день рождения императрицы Наньюэ.

Будучи небольшим государством на юго-востоке, Наньюэ отличалось от Великой Цзинь как в ритуалах, так и в законах.

Если в Великой Цзинь день рождения вдовствующей императрицы был просто банкетом для знати, то день рождения императрицы был внутренним праздником. Но в Наньюэ день рождения императрицы был вторым по значимости после императора, и на него приглашались все чиновники. Все, от гражданских до военных, должны были прийти с поздравлениями.

Сяо Цяня рано утром вытащили из тёплой постели Линь Лин и Сяо Дэцзы, начав наряжать его в императорские одежды.